

KP
Ден

ОТЕЦ РОССИЙСКОГО СОВЕТСКОГО ФУТУРИЗМА

ДАВИД БУРЛЮК

1
—
2

ВЕКА

(издано к пятидесятилетию со дня рождения поэта).

РОССИЯ
1882
1932
АМЕРИКА

СССР

Издательство
МАРИИ Н.
БУРЛЮК

Buzlink
32

Les nuages, qui sont
l'emblème de la vie.
ROLLINAT.

FIDE, SED CUI VIDE.

ФОТО. 1928 г. А. Е. Шляпин. Америка.

"If I had been really a stranger, you would have forgiven me for speaking in the language and the fashion of my native country: and so now I ask you to grant me what I think I have a right to claim."

("Trial of Socrates.")

PLATO.

Sabud Styrnok

СОВРЕМЕННИКИ о ДАВИДЕ БУРЛЮКЕ

ТВОРЧЕСКАЯ парадоксальность, его слова и неожиданные краски, Его культурный фанатизм — создали ему мировую славу — Открывателя. Его имя стало сигналом вольного, нового, смелого, первого, гениального. **Воистину Давид Бурлюк фельдмаршал мирового футуризма!**

Василий Каменский.

БУРЛЮК — самый значительный человек современности, создатель русского футуризма.

Сам. Вермель, 1915 г.

**

Огромный труд — устроить пруд
И тину превратить в плотину.
Затеешь с бором бодрый матч ты,
Стволы дерев вдруг будут мачты,
А камень, что лежал горой,
Героя станет головой.

ОТ АВТОРА.

Не гордись, а учись!

21-го июля 1932 сего года мне исполняется 50 лет. В течение 10 лет в Соед. Шт. неукоснительно стоял на страже защиты интересов Советского Союза, своим первом журналистом, борясь за признание Страны Рабочих и крестьян.

Выход этой книги совпадает с известным заявлением Цик'я партии (Б) о расформировании особых „пролетарских“ организаций деятелей искусств и об'единении всех, сочувствующих и близких советской платформе в единую семью писателей и художников. Приветствуя новую линию творческой спайки, на грани половины века я шлю свой привет родной семье советских

УДавида Бурлюка правый глаз — просто-душино-восточен, левый — хитро-западен; правый от корягового славянского буйства, левый от Европы, от культуры, от скепсиса, от Джотто, от Ренуара, от Маллармэ.

В каждом „коленце“ Бурлюка больше истинности, чем во всех Академиях Мира — с Бурлюком не-опасно и прекрасно окунуться в волны даже ультрасупрафутуризма.

Нат Инбер. 1918 г

ОСАННА Давиду Бурлюку никогда тучи не занавесят его ясного увлечку.

Г. Золотухин.

писателей и художников, так как с первых дней октября шел с ним в ногу, выступая против богачей за права бедноты. Я уверен, что благодаря мудрому решению партии — бороться против формулы „попугчик или враг“, будут более недопустимы „закрути хвост“, левацкие загибы Авербаха против великого поэта красного октября В. В. Маяковского или невежественные, сплеча, выпады против меня, как напр. в „Резце“ № 11 (Ленинград 1932).

Моя жизнь посвящена — живописи, литературе и газетной работе. Некоторые люди не признаются и **совершенно не оцениваются** при жизни, я примирился с явлением этим, выпавшим, как видно, на мою долю. Сохраняю спокойствие. Теряю не я один. Ко дню половины века, прожитого мной, лучшим подарком себе и своим близким, друзьям посчитал свои стихи. Эти не являются из массы написанного — чем либо избранным. Неопубликованное — попавшееся на крючок случая. Приятно их напечатать, чтобы поменьше сидело птенцов могущих кричать в скорлупах рукописей и черепа коробке костяной.

„САДОК СУДЕЙ“.

Стихи 1907-9 гг.

(Редактировано вновь окончательно в 1931 г., Нью Иорке).

СКОЛЬЗИ, пронзай стрелец, алмазный
Неиссякаемый каскад....

Я твой сосед, живущий праздно
Люблю волненье белых стад.
Познавши здесь честную схиму,
И изучивши тайны треб
Я даже смерть с восторгом приму,
Как враном принесенный хлеб.
Вокруг взнеслися остроскалы,
Вершины их, венчаны льдом,
В закатный час таят опалы,
Когда — бесцветным станет дом.
Я полюбил скрижали — книги,
В них — жизнь, моя прямая цель.

Они — полезные вериги!
Для духа праздности недель!
Пускай в ночи стекло наяды
Колеблют легкие перстом —
Храню ученые услады
Моем забвении златом.

Ор. 2. Щастье Циника
Весеннее шумящее убранство —
Единый миг... затерянный цветах!
Напрасно зришь живое постоянство
Струящихся, скоротекущих снах.
Изменно все! И вероломны своды
Тебя сокрывающие от хлада бурь!
Везде, во всем — красотость шаткомоды!
Ах, циник, щастлив ты! Иди и каламбурь!

Ор. 3. Затворник.
Молчанье сможешь длить пещере,
Пурпурный крик таить,

PRO DOMO MEA.

ДЕНЬ ТВОРЧЕСКИЙ

Я не ищу ни с кем соревнованья,
Соперничества не ищу,
Не льщуся герб надеть наименованья
Ни богача, ни нищего.

Я независимость на первый ставлю план,
Самостоятельность и деле, и словах.
Мой ум — аэроплан,
Ему неведом страх...

Проснувшись, не хожу без дела —
До вечера меняю труд на труд;
Энергия моя грызет удила,
Выпячивая кругло грудь.

Закатница, рассветница супруга,
Веселых глаз живой аквамарин;
Как бюста радости твои упруги,
Бедро бело-скользь стеарин.

Другиня и жена! соглася крылья
Твои соседни вдоль бульвара дня
И солнце золотою пылью
Ярча тебя, бодрит меня...
Стих за стихом, картина за картиной
Я создаю, чтоб осчастливить мир,
Так Волга осмысляется путиной,
Так люд прояснится созвучьем лир...
29 апр. 1930. 3 ч. 45 мин. дня.

“I am not born of stock and stones”, but
of woman.”

HOMER.

“And then they are many, and their attacks
have been going on for a long time... I
have, as it were, simply to fight with
shadows in my defense”....

SOCRATES.

“I am a lover of knowledge and in the city
I can learn from men, but the fields and the
trees can teach me nothing.”

SOCRATES. (“Phoedrus.”)

Застольная свара.
Прилюдников свора.

Спасаться углубленной вере,
Кратэры Смерти пить.
Книг потемневших переплеты.
Как быстро мчатся корабли
И окрыляются полеты
От запечатанной земли.

Ор. 4. Родился дома день туманный,
И жизнь туманна вся,
Носить венец случайно данный,
Над бездной ужасов скользя.
Так пешеход, так злой калека
Глядит на радостнодетей
И — зла над юностью опека,
Случайноспутницей своей,
Грозит глазам веселолюдным,
Зеленым ивиным ветвям
И путь необозримо трудный
Влачит уныло по полям.

Ор. 5. Упало солнце кровь заката
Восторгам дня нет, нет возврата!
Лишь облаков вечернедым
Восходит клубом голубым.
И, если смертный отойдет,
Над ним вновь солнце не взойдет —
Лишь туча саваном седым
Повиснет небесах над ним.

Ор. 6 Я не владел еще тобою
Золотоокою младой,
Как холод вечностью седою
Сокрыл тебя своей бедой.
Уста — увядшая затея,
Глаза — безжизненный кристалл.
А зубы — белая аллея,
Что ужас смерти нашептал.
Откроешь вежды, не поверю,
Твой смех увял навек!...
Я сам умру под этой дверью,
Найдет бредущий человек.
Склеп занесен свищущим снегом,
Как груди милой, белизной.
Копыто оглашает бегом
Забытый путь в краю родном.
Прокачает усмехаясь мимо.
Сук — траур, путь — из серебра.
Подкова — тяжко нелюдима...
Крошится льдистая кора.

„ВРЕМЕНИ ВЕСЫ.”
И у часов стучали зубы.

Ор. 7. Сорящие секундами часы.
Как ваша медленность тягота!
Вы — времени сыпучего весы!
Что вами сделано — бесповоротно!
Ваш бег колеблет черепа власы,
В скольжении своем вольготны,
На выю лезвие несущие косы
С жестокотиканьем, злорадны беззаботно.

Ор. 8. Шестиэтажный возносился дом,
Чернелись окна скучными рядами,
Но ни одно не вспыхнуло цветком,
Звука знакомыми следами.
О сколько взглядов пронизало ночь
И бросилось из верхних этажей.
Безумную оплакавшие дочь,
Под стук неспящих сторожей.
Дышавшая на **свежей** высоте,
Глядя окно под **неизвестной** крышей.
Скользь ныне — чище ты и жертвенно святей!
Улавши **вниз**, ты вознеслася **выше!**

Ор. 9. Немая ночь, людей не слышно.
В пространствах — царствие зимы.
Здесь выюга наметает пышно
Гробницы белые средь тьмы.
Где фонари, где с лязгом шумным
Змеей скользнули поезда,
Твой взгляд казался камнем лунным,
Ночей падучая звезда.
Как глубоко под черным снегом
Прекрасной труп похоронен.
Пожри просторы шумным бегом,
Затмивши паром небосклон.
1905 год. Полтавская губ.

Ор. 10. Со звоном слетели проклятья,
Разбитые ринулись вниз,

Раскрыл притупленно об'ятья,
Виском угодил о карниз.
Смеялась над мной колокольня,
Внизу собирался народ.
Старушка — горбом богомольца.
Острил изловчясь идиот.
Чиновник лежал неподвижно.
Стеклянными были глаза.
Из бойни безжалостноблизкойней
Кот рану кровавый лизал.

Ор. 11. Ты окрылил условные роженья
Сносить душа их тайны не смогла.
Начни же наконец поэзии служенье —
Всмотришь излучисто — кривые зеркала.
Неясно все, все отвращает взоры,
Чудовищно сознав свое небытие:
Провалы дикие и снов преступных горы!..
Ты принял, кажется **погибели питье!**

Ор. 12. Чудовище простерлось между скал,
Заворожив гигантские зеницы.
Махровый ветр персты его ласкал,
Пушистый хвост золоторунной птицы.
Сияющим, теплеющим зигзагом
Тянулось тело меж колючих трав...
И всем понятней было с каждым шагом —
Как неизбежно милостив удав.
Свои даря стократные слова,
Клубилося невнятной колыбели...
Чуть двигаясь, шептали: „раз” и „два”,
А души жуткие, как ландыши, слабели.

Ор. 13. Твоей бряцающей лампадой
Я озарен лесной тиши.
О, всадник ночи, пропляши
Пред непреклонною оградой.
Золотогрудая жена
У еле сомкнутого входа.
Теплеет хладная природа,
Свои означив письмена.
Слепые прилежаний взгляды.
Дождю подставим купола.
Я выжег грудь свою до тла,
Чтоб вырвать разлетевшя зла,
Во имя правды и награды.
Об'ятий белых жгучий сот.
Желанны тонкие напевы,
Но все ж вернее **Черной Девы**
Разящий неизбежно мед.

Ор. 14. На исступленный эшафот
Взнесла колеблющие главы!
А там — упорный черный крот
Питомец радости неправой.
Здесь, осыпаясь, брачный луг,
Волнует крайними цветами.
Кто разломает **зимний круг**
Протяжно знойными руками?
Звала тоска и нищета,
Взыскуя о родимой дани.
Склоняешь стан; не та, не та!
И исчезаешь скороланью.

Ор. 15 Монах всегда молчал
Тускнели очи странно
Белела строго панна
От розовых начал.
Кружилась ночь вокруг,
Бросая покрывала.
Живой, родной супруг,

Родник, двойник металла.
Кругом, как сон, как мгла
Весна жила, плясала...
Отшелыник из металла
Стоял в уюте зла.

Ор. 16. Ты изошел зеленым дымом
Лилово синий небосвод,
Точася полдней жарким пылом
Для неисчерпанных угас.
И, может быть, твой член возможный
Постигнем — знак твоих побед,
Когда исполним непреложный,
Жизнь искупавший — обет.
Сваливший огонь, закатный пламень,
Придет на свой знакомый берег;
Он, как рубин — кровавый камень,
Сожжет предательства ковчег.

Ор. 17. Пой облаков зиждительное племя,
Спешащее всегда за нож простора!
Старик седой нам обнажает темя,
Грозя гранитною десницею укора.
Прямая цель! Как далеко значенье!
Веселые. К нам не придут назад.
Бессилие! Слепое истощенье!
Рек, воздухнув: „Где твой цветистый вклад?
Где пышные, внезапные рассветы,
Светильни хладные, торжественность
ночей?..

Угасло все! Вокруг шелест дымной Леты
И ты, как взгляд отброшенный — ничей!
Упали желтые, иссохшие ланиты,
Кругом сгустилась тиши, кругом
слеглася темь...
Где перси юные, пьянящие Аниты?
О, голос сладостный, как стал ты глух
и... нем!..

Ор. 18. Белила отцветших ланит.
Румянец закатного пыла.
Уверен, колеблется, мнит —
Грудь мыслей тайной изныла.
Приду, возжигаю алтарь,
Создавши высокое место.
Под облаком снова, как встарь,
Сжижаю пшеничное тесто.
Протяняться яркая длань,
Стремяся за пламенем острый.
Будь скорое! Музыкой вспрянь,
Раскройся вокруг пологом пестрым:
Пускай голубое зерно
Лежит отвердевшим пометом...
К просторам и в завтра — окно.
Ответ многолетним заботам.

Ор. 19. Все тихо. Все — неясно. Пустота.
Нет ничего. Все отвернулось странно.
Кругом отчетливо **созрела высота**.
Молчание царит, точа покровы прянно.
Слепая тишина, глухая темнота,
И ни единий след свой не откроет свиток...
Все скжalo нежные влюбленные уста,
Все, — как бокал, где „днесъ” кипел
напиток...
И вдруг... почудились тончайшие шаги,
Полураскрытых тайн неизъяснимый
шорох...

Душа твердит, не двигаясь: „беги”,
Склоняясь, как лепесток, язвительных
укорах.

Да, это — след, завядший лепесток!
Пусть рядом пыль свой затевает танец...
„Смотри” шепнул далекий потолок:
„Здесь он прошел, невнятный иностранец”.

Стихотворение написано в 1907 году.
Оно — прозрением: всю жизнь свою был
иностранцем.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА.

(По поводу стихов, перепечатанных из
„Садка Судей”).

ЭТИ стихи из массы строк, написанных до 1909 года. Начал писать регулярно стихи с 1902 года. Кроме отдельных строк — они были не удовлетворявшими меня. С 1905 года стали возникать произведения, которые были более живописующими. Я ценил в те годы: красочность и выпуклость образа патетического, чувства оригинального и манеры пряной. Когда в 1909 году в декабре, в Питере сдавался с Васей Каменским в печать „Садок Судей” я отобрал столько строк, как много мне было отпущено места. Часть этих стихотворений в 1908 году, поздней осенью написана в Киеве, куда с Владимиром братом я приехал по приглашению Александры Алекс. и Ник. Евг. Экстер, чтобы устроить выставку: „Венок” на Крещатике, в магазине „Иерондзишек.” А. А. Экстер была первой поклонницей моей юной музы. Там я встретил Никонова. Исправления, через, почтой 25 лет, сделанные в Америке, коснулись деталей, технических срывов юного, неопытного оперирования со звукословом. В некоторых стихах есть: лейт слова, компакт слова. Звуковая инструментовка, магия гласных и согласных в этих юношеских строках играют большую, первостепенную роль.

Я отныне прошу, если стихи из „Садка Судей” будут перепечатаны давать (повторять) их только в прилагаемой здесь окончательной редакции.

ОПУСЫ ИЗ ЦИКЛА
„Корчма буранов”

Ор. 1. Делец.

ПОСМОТРЕЛ на лес ядреный:
„Бревна ладить на острог;
Клепка, уголь, дров вагоны...
Знатна прибыль, крупный торг”!
Стал на берег реки широкой:
„Вот так сплав — фарватер знатный!
Здесь построю дом высокий;
Сколько силушки бесплатной”!
По степи табун пронесся,
Храп ноздрей и пыль копыт:
„Пелион звезду на Оссу,
Лишь бы диких приручить...
Приспособить мудрой лямке,
Чтоб тянули день и ночь,
Косогор, высоты, ямки
Научились превозмочь!
Сила вся в повиновеньи!

Прилежанье чтите, труд!
Пусть вступает в управленье
Министерством мистер Кнут...
1916 г. Иглино. С. Зл. Ж. Д.

Ор. 2. КОРЧМА БУРАНОВ.

По степи снегонедужной
Пусть затерянной лежит
И костлявость вьюг жемчужно
Стелет пьяно бельма лжи.
Тенькать, звякать бубенцами
Тройка мчится дребезжа —
Лиха горького гонцами
Пребывая и служа.
А от тропочки в сторонке
Дым коромыслом встаёт:
Пузом вздутый, брюхом тонкий,
Сыт, голодный — пьяный слет.
Здесь сугробная харчевня,
Злой метелицы приют,
Прилетев хрюпя с кочевья,
Здесь бураны зелье пьют.
У обмерзло льдистый стойки
Целовальник взвихрен — мраз;
Джин и виски и настойки
По порядку иль зараз?
„Ну, хвати смелей с дороги!...
Сердце в пламень утопи...
Ты не тропик — недотрога,
Вы не трусы воробы!...
И восторгом песни бранной
Огласилась зима,
Пированьице буранов —
Злых кочевников корчма.
Сибирь, 1920 г.

Ор. 3. (Из окна вагона).

Громыхая поле пробегает мимо.
Жаждою сгорает? хочет лимонада?
Поле не подобно царственному Риму:
Полю обладанья, властиности не надо!...
И ему не надо — знаний, громкой славы:
Пышнорослым сором поле предовально;
Нежит, любит трэзы;
Им, „ему” не больно!...
„Поле” быстро мчится... все себя покажет
(Римская волчица,
Сердце нежно, даже...)
Травкою муравкой,
Блатною водицей,
Кочкой — бородавкой,
Рощицей — девицей —
Поле всем довольно.
И ему не надо
Лето — зной — кефира
Или лимонада;
Не взыскует мира,
Где сознанью больно!...
1907.

Ор. 4. Чье имя ведомо и веки не забыто,
Кто навсегда от тленья убежит,
Кому, минувшему забвения обиду,
Бессмертия заветный редюит?

Ор. 5. MUNDUS LIBITINAE.
На косогоре, неудобном
Агркультуры и жилья,
Лежит общении загробном
Персон различная семья.
Над каждым — холмик невысокий,

Как зуб, шатающийся крест,
Обвитый высохшей осокой,
Могильных угрязений перст.
Иль, сплошь, лишившись поперечин,
Торчит уныло черный кол...
Так погибающее судно
Пустую мачту кажется нудно
Над зыбью влаги скоротечной,
Биющей вечности атолл.

1920 г. Басаргин. Приморье.

Ор. 6. Младенец малый молчалив
Мосты мигают моментально
Мелькает мельпоменмотив
Местами мрачные ментально.
Мороз мигрени мракобес
Мертвожденный муки мраком
Меняет мимик мировес
Мавая миррой мягкиммаком.

Ор. 7. ПСЕВДО—ПОЭТУ.

Слова тебе — лишь побрякушки;
Не речь — а кваканье лягушки...
Но где же тот глагола пламень
Что жечь способен даже камень,
Народов массы всколыхнуть,
К свободе указя путь?

Ор. 8. ВОДКА.

Развалившийся шинок
Полон громкой свары!
За столом — гуляк венок
Одиночки, пары...
Сам раскосый Сатана,
Подающий водку,
Помогает им сполна
Лить стаканы в глотку.
А дома — немытый строй,
Жалкие ребята,
Неутешный бабы вой:
„Жизнь моя триклия”!

**

Ор. 9. Мы — этом мире постояльцы —
Раздельно номера заняв,
Покуда смерть на наши пяльцы
Не вышьет черепа устав.
Мы мире сем скоропришельцы
И каждый тянется — устав,
Свое беречь для жизни тельце,
Дней — календарь перелистav.

Ор. 10. В НОЧЬ ПЕРЕД ПОЛУЧЕНИЕМ
ИЗВЕСТИЯ О ВЕРХАРНЕ.

Зелень... не лезь мясо осям!...
Улыбкою жестокой паровоза
Растоптанная роза.
Перебегавший рельсы котелок
Вдруг распластался там
Как бане на полок....
Мы видим черные черты....
Они склоняются устало
Слез месиво — густы
Налеты материнства сала.

Ор. 11. TEMPORA MUTANTUR.

Играют старой башне дети,
Там был когда то арсенал
И груде хлама часто встретить:
Шеломы, панцыри, кинжал.
На них раскрыта паутины

Зим корабельная душа
И, сказка осени картинной,
Дамаскостали дряхлость — ржа.
Для детской, ветреной утешки
— Юнцам осталось любить
Перержавевшие доспехи,
Веков ушедшую серьезность
Вершителей угасших „быть”,
Владычество, коварство, грозность!

Ор. 12. Карабкаясь горой препятствий,
Плыя по озеру помех
Гулять равнинами благоприятствий
Иль косогорами потех.
И не роптать (!) на жалкий жребий,
Что ты рожденный, человек
И мимолетность, лепет бэбий
Тебя наружющий намек.

Ор. 13. ЗЛАТОУСТ.
Где острокамень делит куст,
Где треухи парадят ели,
Где гор взнеслися капители,
Гнездится **дымный Златоуст**
Пластами ржавые породы
Распались, ставши на ребро
И тучи хмурой — низки своды,
Напомнивая „дом Торо”.
Когда бы здесь, — где злато гор
Прольется пролетар — Россию,
Моих прияли злато уст,
Контемпоранистый Мессия
Бурлюк — словесный Святогор,
Футуромондит Златоуст.

1918.

Ор. 14. СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ЗВУКАМИ И КРАСКАМИ.

Она смеется облачном саду
Всегда лазурных полном лепестков,
Где звонкий кличет горнюю гряду
Сугубо сладостных, приемлемых оков.
Она рыдает сумрачном „забыто”;
Осенне ураган расплел ея власы.
Усталая тоски пылающее Лиdo,
Померкший красопад, песочные часы.
Она струится радостных об'ятьях,
Где тонок тканью серебро — туман,
Любовь взглядах, просъбах и заклятиях,
Аромах чувствий всех и знания нирван.

Ст. Иглино. С. З. Ж. Д.

Ор. 16. Огни над рекою повисли,
Предрассветно синел туман
Казалось, что это Уистлер
Придумал, не увидал!
Не забыть мне свидания роще,
Под криком весенних ворон,
Ваших губ „неоткрытые моши”,
На скамье — одинокий сон.
Что щели заборовой роще,
Так тонок девичий стан...
Тех местах, что описывал Тан
Я попался, как курица во щи,
Средь берез и Иркутских окрайн.

Ор. 15. ИРКУТСК.

ЕДВА, едва не доскаcala
Моя пролетка до Байкала,
Когда должен поднять я тост
За Ангара — Иркутский мост.
„Там снегогоры — вереница!
Поверь, бесчувственный возница,

Над струями полуморской
Воды виднелись Ангарской!”...
Но мы уже несемся градом
Средь старых каменных домов,
Где торг китайский звонит рядом
Под русских звон колоколов.
Иркутск. 1919. Май.

Ор. 17. ДЫ СКЭТЧ.

Зари померкшая дары
Ночная тень падет углом
И бархатным чертят крылом
Контур тоски нетопыры
Так с древа упадает лист
Осенних сумерек вались за крышу
Косым падением речист
Котором тайны смерти слышу.
Кобе. 1920.

Ор. 18. В СТРАНЕ КАПИТАЛА.

Сломалась ночь, раздета куртизанка;
Постели богачей измял начальный храп;
Властитель мастерских, дредноутов

и банков
Теперь былинкою под игом сна ослаб...
Ему мерещится, что он живет подвале,
Что лапа нищеты, — (дневное понаслыше)
Средь, златом полной, воцарилась залы,
Иль молоток стучит его гробовой крышике;
Или авто, что мчит его бульваром,
Гандикапирован хребтами баррикад,
Дворцы озарены бунтующим пожаром,
И на него встает суровый фабрик ад;
И камни, что ложились так послушно,
Под шопоты его Rolls Royce'a шин,
Теперь голодных рук праща дружной
Срываются лететь в „кумира” всех времен.
Но это только сон... угрюмый меч рассвета.
Домоклов час... Гудок фабричных труб...
И им в ответ гrimасою кастета:
Зевок усталости и дребезжащий зуб.
Рабы труда под плетью принужденья
Идут с ужимками Бодлэрновских химер...

Ор. 19. ОСЕНЬ.

Рыдай осенний дождь рыдай
Над вазой раздробленной лета
Что поглощала яркий край
Как счастье затопляет Лета
Седая вечности река
Где дно песчинками века.

Ор. 20. УВЕЧЬЯ ВЕЧНОСТИ.

Увечия у вечности?.. неправда...
Нет костылей Урану иль Нептуна —
Извечна силачей бравада,
Волны прибоя ЗЛАТОРУНА

Ор. 21. Глядеть с наклоненного
бездну корвата

И думать о дне
Где нет сожалений презренья привета
Акулы одне
Смотреться седины безвестной пучины
Не ночи а век
Где спят бесконечности злой исполнены
Модели Калек.

Ор. 22. У пристани качался пакетбот

И капитан и трезвая команда
Молчали полные забот
Готовясь взять седого гранда.
Был поднят якорь и свисток
Летел аукаться с горами

Когда румянился восток
Слегка прикрытый облаками.
Старик угрюмо на корме
Не проронил прощаясь слова
Был верен мраку и зиме
Он оставался к счастью глух
Когда в морей синепокровах
Волны расцвел сияний дух.
— 1920 —

Ор. 23. Вопрос:
А счастье где?

Ответ:

Оно играет в прятки в осенних грубостей
неумолимой роще.

**
ЗРИТЕЛЬНОЕ ОСЯЗАНИЕ.
(переработано) (1927-30)

1913 г.

Ор. 24. ВЕСНЕЕ СОЛНЦЕ.

Солнца злобная тележка
По камням стучит.
Пусть — насмешка жизни пешке,
Вскочит лужу — кит.
Плутни солнца; прыг в окошко,
Чтоб тянуть зеленый лук
Из наивного окошка,
Сплетен острых пук.
Солнце — песенник прилежный
Он, горластый новорот,
Захрипел романс почлежной,
Созывая к счастью сброд.
Солнце — пламенник надземный
В трактор брызнет, бросит луч,
Ненавидя двор тюремный,
Скачет среди талых куч.

Ор. 25. БАЙКАЛ. (II)

Горы громадная душа
Извечно — детская простая
Туч опоясана кушак,
Тумана ключьями листая...
У ног ея — древнейший лес,
На поколенье поколеньем
Свои обугливши поленья,
До половины склона взлез.
Нет дружбы роще и яснее —
Скалы гранитно — гордо — стана,
Размашистой угрюмой ели,
Волны соленого лимана,
Ушедшей воды хитрой мели
И тканью тонкого тумана ...

Ор. 26. ГЕЛИОВСХОД.

В кошнице гор Владивосток —
Еще лишенным перьев света,
Когда дрожа в лады восток
Стрелу вонзает Пересвета.

Дом мод...
Рог гор...
ПотоП...
ПотоП...

Суда об'ятые пожаром
У мыса Амбр, гелио — троп
К стеклянной kleят коже рам.
1920 г.

Ор. 27. ТЕПЕРЬ.

Здесь, где малиновая слива
Не гнет заботности ветвей,
Где шумноград сетях залива
Изнежить толпы кораблей

ЗАПИСКИ АЛЬБАТРОСА.

Посвящается жене моей,
Марии Никифоровне.

Souvent pour s'amuser
Le hommes d'équipage
prennent les albatreaux,
vastes l'oiseaux des mères.

BAUDELAIRE.

Наш бриг недели проплало,
Мохнатой пеной утомив,
Пока земли надеждой малой
Неясно прозвучал мотив.
Под облаком, внезапным стоном,
Возник туман широкий глас
И альбатросом неуклонным
Тень опрокинута на нас.
И следом — выцветший папирус
Упал, колеблясь у ног;
Подняв документ на репицу,
Я строчки прочитать не мог...
В начале было все неясно,
Что обронил скиталец неб,
Но, занимаясь им всечасно,
Я глубже погружаюсь хлеб,
В мою протянутую руку,
Что положил случайный гость!
Слежу глухих морей науки
И осознаю смысла кость.
Зрю по запискам альбатроса,
Что сведущ обозначил клюв —
Он разрешал любви вопросы,
Взяв лозунг: сердце оголю!..
Разбитый тягостным скитанием,
Желая отдохнуть хоть раз
У пристани, где колыханье
Напоминает тихий таз...
Но как напрасно тщетно, тщетно...
Все было тягостным на век...
И годы жадно незаметно
Отодвигали счастья брег.
Катились годы — волны тоже,
Старел отважный альбатрос.
Морщины сеть на лик пригожий
Свивали неотвратный трос.
И буря, буря, не как прежде,
Была бессильна против крыл —
В его скитальческой одежде
Образовались скопы дыр
И сердце мерзло над пучиной
И мрачных дум клубился рой
Под нараставшей годовщиной,
Укрывшись жесткою корой.

.....
Да, вечно, вечно над туманом
Носить стареющие раны...
И одинок на доски палуб
Он обронил попытки жалоб.

1922. Великий Океан. Кагошима.

БРОШЕННЫЕ КАМНИ.
(Из Одиссеи).

Сколько груза для прахи,
Чтоб повергнуть Голиафа?...
Меркнут алые плащи
Закрывая тайну праха,
Можешь бросить малый тот;
Кто-же, кто взмахнет скалою,
Незабудкою высот,

Заиграв над головою?
Вспомнил: здесь бежал Улисс...
Многовесельного нефа
Тень скользнула брега близ,
Голосов морское эхо.
На прибежной выси лоб,
Нагружен большой скалою,
Раз'ярившийся Циклон
Скачет башнею живою.
Солнца миг лучей лишив,
Вскользнуло глубоко море,
На валах белизны грив
Взбил бунтующим раздоре.
Был слепец он, не циклон
И не зрел живой мицени,
Оттого Улисса в гроб
Не загнал полет камений.

Ночью дымной полутьме
Полифемовой пещеры
Око выколол горе
Ярой лихости пантеры.
Вот раздался дикий рев,
Глаз шипит под головешкой
И разбойник озверев
Ищет тщетно человечинка.
И быть может пожалел
О циклопчестве впервые
Степгигант, кляня удел,
Не нашед бараньей вые.
Мал, но смелого врага,
Повелителя Итаки.
Утром, чтя скота рога
Вечноставленником мрака

„ПРАХ.”

Ты нес кармане труп блохи —
Малютки времени секунды
Мой вопль достигнет и глухих
Туземцев флегматичной тундры
Часы твои остановясь —
Тебя причислить к мертвцам...
Ведь здесь таинственная связь,
Что не понять и мудрецам:
Пусть океане дохлый кит,
Давно остывшая планета.
Воображенью кто велит
Молчать бесчувственно на это??

РАЗНЫЕ КАЛИБРЫ.

Противоречья слишком часты,
Везде кудрявые контрасты —
Великий ум и рядом идиот,
Что комаром болотный день поет.
Огромнотруб архангелов полет,
И тут же труп — клопа помет.
У топота столичных блюскюлад
Мокрицы исподлобья взгляд.
Ты мерил талию беременной блохи?
Ей надобен пюпитр, чтоб поразить

весь мир.

О, грохоты заинdevевших лир,
О, девушка — вампир !!!

УТИЛИТАРИСТАМ.

(Чужаку)

Телесное мы чтили наказанье,
Был у дворян конюшни бравокульт
Архангельске, Тифлисе и Рязани

Незыблем был своеобразный пульт.
Пороть под счет! О порки четко-ритмы
Распоясав националь — кумач
Власы девиц, лилейные молитвы
Звезду очей, извивно стон и плач.
Так и теперь — не стих им дай, а разгул
Для воли, для ума, для чувства наконец
Дай злобы и жестокости венец!
Пускай во всем не будет много дня
Иль радости, иль смеха, иль огня —
Лишь кислота б лилась и ела кость
до мозга!

1919/20. Владивосток.
Подвал Золотого Рога.

ГРОТЕСК II.

С раскрашеною мордой,
В петлице — ведьмин зуб
Идешь походкой гордой
В свой "Nomentanus" клуб.

СОНЕТ.

Стеной высокой горы встали
С вершин в простор синели дали
И сосен старых вещий шум
Будил полет орлиный дум
Но глубине резвился ключ
Своим терпением могуч
И он подмыл звена гранит
Что ныне в воздухе висит
В горе теперь глубокий ход
Для еле движущихся вод
И старый ствол, подгнив, упал...
Но молодых деревьев хор
В провал рассыпал свой дозор.

Твердый камень на пути —
Преткновенье для ноги.
Можешь камень обойти
Прыгнуть трудно для других.
Твердый камень для ручья —
То же самое смотри:
Обошел его звука,
Иль поверх падут струи.
Многострунный водопал
Белопена, блеск и шум
Всяк ручей препонам рад,
Чтит душа воды прыжок,
Раздробленную игру,
Механический порог.

1924.

Говорят: оранжерея,
Где живет оранж жире..

ПРИКАЗ.

Сегодня скверная погода..
Слеза — не дождь... из глаз урода;
И, даже, яркие цветы
Под кляксой грязи — не чисты.
Ведь им раскрыться на кладбище,
Где у гробов прогнило днище
И даже гениальный нерв
Сглодал могил бесстрастный червь.
Сегодня — скверная погода
Уйти б скорей под черносводы!..
Давай мертвецкой архалук,
Скорейшая из всех прислуг.

И, где луны остродвурогой
Грядут разбрьзгать перламутр
Изгибах Золотого Рога
Волнокеанских толпы судр,
Не устьем, а зимы истоком
Затерт полярно ненароком
Южанин карт — Владивосток...
Бери скорей тепло в ковычки!
Сибмразснегозимы привычки
Позорят твой юговосток!..

Ор. 28. ОСТРОВ АСКОЛЬД.

Живет таясь скалах кобольд,
У брега плашется Нерей;
Твой взголубевший взлет, Аскольд,
Мы покидаем не жалея.
Придется ли тебя узреть
Земными смертными очами
Поверх зыбей зелено—сеть
На страже срывными скалами?..
Но очерк милого Аскольда
Туманно пенного, звения
Несем морскую свежесть дня...
С Россией нас соединяет
Последний взгляд ея Герольда
Последний дым ея огня!!
Чикузен-Мару. 30 IX. 1920 г.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.

Одном времени о прошлом о забытом
Нам говорят названия оружья
Что так бывало раньше кровью съто
В руках сказавшего: „отныне муж я”!
Гербы нагрудников, морьонов, протазанов.
Саксонского курфюрста монограммы
Под рукавиц (без рук) шелом (без глав)
охраной
Выводят мрачные трагические гаммы.
Меч палача, рубивший злобно главы
Меч правосудия семнадцатого века
Когда не часто добрые бывали правы
И не за злое зло терпя, гуляя калека.
Траншейный шлем! рапиры марки Хорна
Фитильных ружей скопы, толпы арбалетов
Вооруженье пушкарей проворных,
Теперь не знаемых, не ведомых атлетов,
Охоты круглый рог, старинной зелень
бронзы

Рогатины, кошницы стрел — колчаны,
Чего попы не знали, знахари и бонзы
Те что лечить умели след их — раны.
Кинжалы, кортики пороховницы шпаги
Войны Тридцатилетней-время Валлен-
штейна
Не нам чета воинственной отваги,
Что долго так умела быть затейной.
Три крепостных щита, широкие павесты
И тут же — маленький карманный пистолет
С изящнейшей резьбы слоновой кости
ручкой
Роскошный женский бюст и пара белых
крыль...
Вот вам прямой эпохи той ответ:
Душистая роса из хмурящейся тучки,
То сердце — рыцарь что щетина бровь
сокрыл

ПОЖАЛОВАНИЕ ЛЕНОМ.

(Из Мореаса).

Бредем, вдоль изгороди парка
Большой медведицы склоненья час
И ты несешь мне этом подчинясь
Средь лент волос цветок названьем

Асфодель

Мы встретимся глазами час
Медведицы склонения полночной
Моих зрачках живут тона
Цветка названьем Асфодель.
Твои глаза глядят мои, мои
Ты трепетом мистическим полна
Ты — мифа древняя скала
Которой прикоснулась Асфодель.

Из. Малларэм.

Моя душа, в мечтах о лбе твоем,
спокойная сестра,
Где осень бродит красками пестра,
В твой взгляд — приют чудесный
Восходит, верная; так на куртине тесной
Фонтан, где дышат аметисты,
В октябрьский небосклон стремится чистый.
Он отражен в бассейнах, безконечный
Своей тоской, и ветер скоротечный
Проносит листья, отследясь чертой,
Под солнца желтый луч, забытый высотой.

СОВЕТ.

Ты не видел Аполлона?
На главе его из лавра
Сотрясается корона
Звуках флейты своеенравных.
Уцелеть ты хочешь рдяно
От ударов сине молний?
— Облачись живым тюбаном
— Дафны ветвию своевольной.
А чтоб негой сонночи
Не увидеть Минотавра
Или мавра — лжи короче, —
Не забудь под изголовье
Сунуть пару листьев лавра,
Снов гонящих прочь злословье.

Косматый полый ивы ствол
Об'яла полая вода
О милый малый слабый пол
Ведь ваши слезы не вода...
Напрасно бросят рыбаки
Все знанье сумерки реки
Их золотые невода
Для ига тяжкого легки
И полость полоскать придут
Двуполой подлости редут
Ведь слезы девы не вода
Страстей земные пауки.
Токио — улица. 1921. VI.

АНТИЧНАЯ ДАМА

Наполнив золотую ванну
Плещеослиным молоком,
И розомрамор видеть странно
Торчащий локтя острием.
Хрусталькибине благовоний
Нафонебелоглазэмаль
Расцвеченных взволнованно
Синьиндиана шаль...
Изнеженная Нереида,
Сидящая спина-дельфин,
За эфиопкою сердитой,
Руках изогнутый графин.

Брегоекан красы: подушек,
Простерт влекуще властный пляж —
Браслет, шелков, камней, игрушек —
Насилий, войн, обманов, краж.

Купальщица лежала под откосом
На розовый песок метнув фарфорбока
И мучился румянющим вопросом
Вспаленно юноша кустах засев пока!
Невинно скромное стыдливое созданье
Пред ним горячий кубок солнца пьет
И жадную волну приводит содроганье
Предчувствие об'ять девический живот?
Или жестокая и страстная вампира,
Которой уст всегда крови разрез
Силенов ждущая для длительного пира
Победно — жарких неусыпных чресл??
Томился юноша волнующим вопросом
Который днес не разрешить и нам
Купальщица меж тем свои свивала косы
Их прикрепив откосам и цветам.

НЕЖДАННЫЕ ВИЗИТЕРЫ.

Утонченной квартире городской
Жантильная и хрупкая хозяйка
Измят изящества монденистый покой
Смутился метрдотель под стол забилась

лайка.

Виновница-ж всего истерно скав платок
Вотще беспомощно флакон взыскиует соли...
Безумия толчки иль молний сразуок
Бунт пищеты — жильца всегдаподполий?
Или пожар пузатый произвол
Разлиз свой дикий свет и искр полет-

горящий

А если все не так... почтоже гнется пол
И зеркало свой белый глаз таращит?

— По лестнице....
— Сюда?....
— Слоны идут....
— Толпой влюбленные слоны!...
— К вам барыня с визитом
Прикажете принять?
Вам не решить самой —
Принять их или нет часу для всех

открытом

1915 г. Москва.

КАРТИНА.

Красивозадая Венера
Ему служившая моделью
К изображению потерь
Бело нанесенных мятелью
Чтобы снести хрустально иго
Зимопрокатного мороза
Сама Венера Каллипига
Костра у ножек держит розу.
Ей помогают два амура
Раздуть земные пламена
И сам Борей надувши хмуро
Глядящий тел сих группу на.

В ЗАМКЕ.

Сегодня утром ты окну
Склонилася одной рубашке
На шумную глядя сосну
Над коею облачны барашки
Ты увидала старый ров
Зацветший вязнущей водою
И стадо жадное коров
Пастись пришедших под стеною.

κράχω. χυνή. χυναίκος.
αναιγώ. έρως. ζικηφτ.
έπι τούς πολεμίους. εσιός.
Fide sed cui vide.

Трудолюбивый муравей -
Пример для будничных людей.
ШЕБЕ ИНЕ, МУЗА-ЕГОЗА,
Гораздо близче стрекоза.
Пускай придет в сосульках хлад,
Когда Торговец коксом рад,
Замерзнут всея дружей дороги,
У мухи посинеют ноги...
Но в сердце будет юноший жар
И искусства своеобильные дар,
Что до синева легодней
Согреет ласком своей.

ЯПОНИЯ

Над пагодами ход погод
Это хризантемной сущи
Минута час недели год
Натуры светлой ртутьи
Над пагодами звон сосны
Волны зеленой лежат
Когда ульбками весны
В шинде ветра трепетт
Любкой ухнувшей гейш
Мой взор равно привован
Штрана ленив на грани иен
Те Кобз град основат.

Under the influence of
Japanese sky.....

ФУДЗИ

Но к ноги потягнувшись ветром,
Весь день казавшийся прохладным...
Был ветер неенно шеколадным -
Коригневатый Гала-Петр.
Или от города Экспресса,
Иль гуд близости океана...
Но мысли гайная лиана,
В горах разыгранная пbesa,
Для Нерф вагонной рельсопутки
НЕ сдавшая высокой маски
Осталася сплошным СЕКРЕТОМ
БЛІСТАТЕЛЬНАЯ ФУДЗИ ЯМА
Под туг фиолетовым берегом
Снега въксающая чурято.

*) Яма = по-японски -
гора.
Сыны поднебесной республики;
горячее пиво темншт;
свинина, трепанги, рис - рубрики;
Китайский чай чист апетит
(Сотривок) 1921. XII.

Владивосток

МАНУСКРИПТЫ ДАВИДА БУРЛЮКА

ЯПОНИЯ.

Дроволен, род Японии.
Призванье дал я «Япония» съ.
Иерушка кристаллическая
Страна-изра замечная
Что городом-то островом -
Брончио-перешееком
Как зирко зреет, как остробак -
Прильнув к беленому шебеком
У храмов-занодомики,
Рде они тешат гейшами.
Циновками кесматими,
Линой, сумагой, житомо,
Эванситами плавнечиши
В крильянах занено-комики

Городом
Глубокомысленным Туннелем
Сквозь недра каменного горы
Скалам Байкала хмуросярым
Пронесший глаз своих сирен

Когда уходит свет лунной,
Мы темных норах заиниаем
Огонь лампад, огонь ногной.
Мы, напиравшись темнотой,
Его сердно охраняем,
Но озаренные луной,
НЕ искушенные Луной.

Горное.
Глубокомысленным Туннелем
Сквозь недра каменного горы
Скалам Байкала хмуросярым
Пронесший глаз своих дяди
Любви отмечай водопады
И Клики пригиб, вздыхают,
Венавшие гранит-тромады
Над ширестью шибеких нег.

БОРНОЕ

Грабы орехи в водопаде
И кашки пригиб, и любодорье
Венгавшие гранит-тромады
В июня сверзарный день

ЯПОНСКИЕ НОГИ.

Тик так тик так
По гравию шаги
Луна ветвей падак
Блестит для дружих
В доме СЛУГАЙНОМ
Звучит самисэн
Все необычайно для меня.
с ЭН
Японии ноги
Опп прозы унгат
Коки и ога **)
К сакэу приурчат.

*) род мандолини.
**) красные и зеленые
гли *) вода изриса

Hokousai est né en 1760,
dans le Hōjō, paisible
quartier de Yedo, plein de
jardins et de fleurs, à l'est
et de l'autre côté de la
rivière de Sumida.

Зимним часом вдоль
залива.
Лицетай коричнев
хрустя
Уединенно озеро
Бива
Прокону нестишо ж.
На холме красног
храмы
Изогнула взвесь во
рой
Из тут веселой
рамы,
Зто небесный шарик
свобод

Инструмент-
вана на «С»

Кто стоял под темно-
дубом
И, склоняя лицо лиловый,
Извиваясь прянокубом,
Оставался венгновитом,
Сотрясая голубым шр-
том,
Черепахи скорупой,
Кобубой, данную прире-
там?
Странник радиоси слепой.

ОГА САВА РА

(БОНИН)
Утром кругих расщупь мимозы,
Сардан землю им-колбель,
Вокруг джинин белые сезози,
Нихон-деревни карусель.

Я мимо шел и тростью тронул
Мимоза пурпурную сажью
И Нагата исподни тони,
И кротость низки узкую.
Мимоза лепески свернула,
Незримой сделась отам
Тоскливо серая акула
Их золотой слотада РАМ.

Ушица Токио

Чицу бросало направо и
налево,
Мост упал на колески, при-
нимая мяки,
Шумом безумным дома оглу-
шило,
Ноги стярхой смотрелась ок-
но.
Бездумой простимущок блго
много
Бендино-червивое вино...
носец, вон-огарок дяд....

ОТРЫВОК.

Я занимался слишком долго
Твоими отмелами, Волга.
Одной из, тяжких в омут, гирь —
Был сердцу старый монастырь.
Теперь я дряхл, годами сед.
В гроту лежит, засох сосед,
Но прежней злобе не истлеть —
Не истрепать отмщенья плеть:
Неумолимее червя —
Навек — злопамятность моя!

ЛЕТНИЙ ИНОК.

В цветах полеты струны пчел
Прозрачный мед душа тычинок
Как грудь Венеры круглый дол
И — черный престарелый инок.
Ушедший в жертвенный покой
Где каждом слоге — вздохновенье,
Благословия своей рукой
И птиц, и насекомых пенье,
Моря распространенных крыл
и сонмы вопиющих глоток
Зарайку солнцем жизненой
Самцов без правил и обраток
Цветущих облак знайокуст
Летучую, как призрак, стаю
Для ненасытноожадных уст
Что восхищается, горая!
Прозрачный инок, инок, инок
Ушедший в черные цветы
Чтобы затеять поединок
Во имя безды — высоты!

1907 год. (Чернянка)
переработано в 1931 году.

ГРАБИТЕЛИ ВРЕМЕНИ.

(набросок)

В квартиру влетели сломали запоры
Дверь сорвалася с петель
Убийцы, грабители, воры
Ветер, огонь иль метель?
Зубы стучат дребезжащий звонок
Грабители в масках растрепан пробор
Сломалась рука там хрустит позвонок
Часы револьверы умолк разговор
Жестокие фразы, костлявые руки за глотку
Вот деньги, но жизнь пощадите
Что вся в кружевном, голубую кокотку
Не надо сапфиров брильянтов триремы
Кричит иступленно грабитель
Мгновенья, нам годы подай!
Мы грабим лишь .. ВРЕМЯ !!!

А. А. ЭКСТЕР И ЕЕ СОБАЧКА.

Четвероногое созданье
Лизало белые черты
Эллады брошенное зданье
В заклятии синевысоты
Пылали светозарно маки
Над блеском распростертых глаз
Чьи упоительные знаки —
Лучем колеблемый алмаз!
1908—1931.

**

My mother moon makes me mute.
Мечты о браке.

Отсталый и немного точный
Приходит и смеется вдруг
Румяный плод пушистосочный
Владетель множества супруг.

Я И СВЯТЫЕ.

Я стал святым приятелем
Я с ними заодно
Они теперь стараются
Мне подавать вино.
Я стал святым потребностью
Они помолодев
Для голой непотребности
Мне таштут в спальню дев.
Святые станут грешными
Меня не ублажив
Не угостиш орешками
Не наточив ножи.
Я стал и сам святителем
Порока строю храм
Хожу в чиновном кителе
Давно привык к дарам.

1921—1931. Июн. Н. Ю.

НЕСОЗДАННЫЕ ШЕДЕВРЫ.

Под симфонией зимних небес
Тонким цинком одеты поля
Ты лепечешь персты оголя
Этот фрагмент не созданных месс
Не пришедших поэм, не рожденных панно
И скульптур, что об'емах живут
Ведь немногим в потоке людском суждено
Донести неразбитым хрустальный сосуд
Где магически мир отразясь
Держит с тайной вернейшую связь.

1907. Чернянка, Тавр. г.

1931. Нью Йорк. Америка.

Домик был подслеповатым,
А забор совсем глухим...
Старишкой охромевшим
На березу опираясь.
В доме жил слепец прилежный,
Ухом тягостно тугим,
Ликом тяжко виноватым,
Ртом гнусаво — распотевшим,
Духом тайною мятежным
Вечно к небу порываясь.

МЫСЛИ О ЖИЗНИ.

Плакать — не трудно!
Смеяться — не станет задачей...
Жизнь — безрассудна —
Не может быть зрячей.
В жизни — законы,
Что ведомы редким.
В жизни препоны —
И ловким, и метким.
Жизнь — наслажденье,
Но в жизни — и мука,
Слезы — наука.
VITA — терпенье,
Пристрелка из лука
По радости внука.

И что прекрасней, что нормальней
Супружеской, в новинку, спальни?..

СТАРИКИ У КОСТРОВ.

Старой кости не согреть,
Кровь по жилам ходит еле
Утомленном, хилом теле,
Что старо, как гроба клеть.

НАБРОСОК — „ЛЕСНАЯ СМЕРТЬ.”

1.

Стоял в бору сто двадцать лет
Сто двадцать раз растаял снег
Сто двадцать румяноело лет
Гнездом весело-знойных нег
Оброс корой зеленым мхом
Взрастил курчаво лиши
Своем забвении глухом
Где с каждым годом тише и
Сто двадцать лет курчавил мысль,
Кусты ветвей сучков крестец
Корнями вниз, а кроной ввысь,
Листов трепещущий венец.

2.

Зачем зачем к чему к чему
И дней бесчетных что за цель
И эхо отвечало — у...
Глядь — серцевино — не цел.
И дряхлость выразила смысл
И мысль сама — гляди стара
И фиолетовая высь
Легла — могильная пора.

Вы хотите легенды,
Карусель огоньков,
Восторги, в аренду
Девий альков...
Несмятой услады
Гудят трубачи;
Все — рады.
Безус. Бородачи.
Трезвоньте погромче
Во все колокола
Упившийся ловчий
Коло кола.
Как полнее приветить
Небес бирюзой
Те или эти
Взяты грозой
Что изысканней проще
Твоей руки
Березовые моши
На озере крути
Вся жизнь аrena
Вся жизнь колесо
Услад перемена
Легкость серсо
В лапы Мамаю
Метни вспомяни
К свету и маю
Лучи протяни!

ЗИМА.

(1906—1931)

Луна — скитальца корабля мертвец,
Я за решеткою, в тюрьме
Молюсь ОБГЛОДАННОЙ зиме,
Ей палачу живосердец.
Ужасный старый труп
Мутный траур за окном,
Я затопить хочу вином
Находку пристальную луп.
На белотеле черноран
Зияя чумные следы...
Мы добрели до сей беды,
Стрепев осеннеураган.

ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД.

Стихи переписанные Марусей в 1921 г.
Исправленные в 1931. XII.

Не страна, а муравейник
На лазурных островах.
Здесь влачит народ затейник
Дни в сплошных потрудах.
Все для нас микроскопично...
Лишь безмерен ОКЕАН,
Что об'ятьем энергичным
Насыпает свой туман.
Япония. (Октябрь 1921.)

ТЫСЯЧЕГЛАЗЫЙ.

ТЫСЯЧЕГЛАЗ чтобы видеть все прилежно
И свист бича и запах роз и сны
Тысячекрук чтобы всех окутать снежно
Тысячеперст на радугах весны.
Но вот и маг великий Дегустатор
Как будто бы язык стал сонном жал
Березы сок и сладкий мед акаций
Что шершень полосатый острогал.
1920 г. Токио.

Агадзисима-синий остров
Ломает влажный горизонт.
Среди волны шумящих тостов
Японо-средиземный point.
Агадзисима встала остро,
Просторы неба вознесясь,
Затем, чтоб новый Каллиостро
Гуляя в ту сторону косясь.

**

Не страна, а муравейник...
Средь цветов на островах.
Храмы, здесь народ затейник
Создавал потрудах
Все для нас — микроскопично,
Лишь безмерен океан!

Закат румянил неба губки,
Прощай последний поцелуй.
На берегу валялись губки,
Что спину вымоет валун.
Ежи, открытые приливом,
Топорщат черный дикобраз.
Ты в настроении пытливом
У них направно ищешь глаз.

ИСКУССТВО ЯПОНИИ.

Культурным надо статься оком,
Уметь насытиться намеком
И всеконечно счастлив рок
Читать умеющих „меж строк”.

.....

А вот они „искусства бэби”
Письмо их — начертало жребий.
IV. 1921. Вагон Токио—Иокогама.

Это кратер старого вулкана;
Юность лав где пел кипящий ад
Над простором синеокеана
Бурными валами над.
Это — горло, где хрюпя кипела
Злоба хаоса и юных первосил...
Все в былом... столетья — не у дела...
Лав обломки старых, черный мрачный ил...
Ошима *)

*) Остров, в 70 верстах от Токио.

ГРЕЗА О СНЕГЕ.

Так нежно, нежно, нежно, нежно
Так снежно, снежно, снежно, снежно
Тянулись ветви рощи смежной
Поэта зимнее окно.
Так безмятежно, безмятежно
Покой безбрежности таежной
Поэта погружал безбрежно,
Всегда живущего небрежно,
Снегов серебряное дно.
Санно-номия. Кобе. 25./X. 1921.
8½ ч. утра.

РЕМИНЕСЦЕНТНОЕ.

Мы к старости идем, теряя голоса и зубы.
Визит не тянет; мы не ждем
Приема ласкового грубой
Хозяйки злостного трактира,
Что к кладбищам, поддав дублем,
Толкает каждого задиру

УТРО НА БЕРЕГУ МОРЯ.

В златом тумане облака.—
Как Тернеровской акварели —
Прозрачна жемчугов роса
Зари пропетая свирелью.
Лет дальних лодок злим отам,
Пока восставшее светило,
Разбросив пафос по волнам.
В лучи моря не затопило.
Сума, возле Кобэ.

ПИР.

У нищего пир
Из канавы банан
Под грохоты лир
Вынимает стакан
Под блеск карнавала
Открыто забрало
Вот караван
Из Формозы
Далекий Тайван
Туберозы
(Безморозный)

ТОКИО.

Распластанный у океана
Над грязной лужей круглобухты
Крыш черепицами, в тумане,
Чаруешь вечно гулом слух ты.

ИОКОГАМА.

Деревянные бубна удары
Цветные домов фонари
Хризантемные мимо пары
И в стаканчиках кори *)
Проходят мимо рикш скорейших
Раскрыв бумажный синий зонт
С губ пурпурных грузом гейши
А Фудзи *) в праздник горизонт.
Иокогама — красок гамма,
Я купаюсь в этом иге.
Город моей жизни рама,
Что прославил Хирошиге. **)

*) кори — лед, настуенный политый
сладкой содовой водой. *) гора в Японии,
видна из Иокогамы. **) знам. японский
художник.

**

Доволен, рад Японией
И имя дал я: „пони” ей!

**

Она живет прибрежном доме,
Где ветр соленый дует с дюн
Где сказок будто в толстом томе
И луч рассветный свеж и юн.
Дом весь построен из обломков
Нырявших в море кораблей
И на призыв ея потомков
Ползут признания зверей
Щитом покрытых, белотелых
Которым плавно жизненить
Различных стран жестокосмельх
Где страсти бесконечна прыть
Она гуляет возле дома
Где тайна охраняет колб
Содомский грех, пожар Содома
Рискуя обратиться в столб.

1920—1931.

Иокогама.—Нью-Йорк.

РИКША.

На каждом здесь шагу:
Стараюсь и бегу!

Пылен взмылен желтый рикша *)
Он везет почти задаром
Его икрам не велик шар
Шар земной овитый паром.
Что трамвай, полет биллана
Ход экспресса! — Рикши жили
Пассажира тянут плавно
Пробегая далей мили.
Взмылен пылен высок рикша
Но родными скакунами
От рождений злых излишка,
Хоть тому поверить странно,
Не оставлю я меж нами,
Здесь гордятся в этих странах.

Иокогама. 1920 г. Осень.

(набросок)

Один сидит суровый миной,
Газетный пробегая лист —
Изящный точно мандолина
Воротничком сияя чист,
Другой, вспотев, бежит лошадкой
Через проезды, мост, бульвары,
Следя за седоком украдкой
Живою угнетенный тарой.
1920 г. — Токио.

НА БОНИН ОСТРОВАХ.

Ветер рвет листы банана
Пропеллеры бананопальм
И в оранжевое рано
Ветер вносит свою сталь
Устаревши, тусклый месяц
Утомленно сник
Путинками развесись
В сахарный тростник
И, бледнея, утротени
Убежали в гроты гор,
Где взнесенные ступени,
Ждут приветить взор.

*) человек — лошадь., возчик.

ПРИДИ!

На радость снежной поясницы,
Где мягок род рукою жир,
Где за толчки не надо извиняться,
Где каждый поцелуй — вампир.
На крики грудей, знающих упругость
(Тебе не смыть овалы звучных чаш!)
Где каждый раз: привык — супруг — ты гость
Где сладострастия приветится палаш.
Приди, забыв измену иль приличье,
Здесь не считают ветренность врагом —
На форму нежную грубейшим

сапогом!...

Рычи по львиному, иль клекочи по птичьи,
Топчись, карабкайся в волнении тугом
Сминяясь бешенством, слюнявя все кругом.
1920 г.

(с французского)

Этим утром я хотела принести для
друга роз,
Но я столько нарвала их в свой
широкий пояс,
Что сдержать их не смогли шелка
слабые узлы
Развязался мягкий пояс, розы ветром
подхватило
Улетели розы в море без возврата
И волна казалась красной от обилия
цветов
А подол надолго сохранил румянный
аромат.

ФУДЗИ.

Тебя не видели, но знали,
Что ты за ширмой в полуночью
Укрыта тучей эти дали
Вникать куда бессилен зрак
Но к ночи потеплевший ветер
На миг разбросил облак ряд
Коричневатый Гала-петер
Погонщик и ревнитель стад.
Покрыта мягкою шалькой
Порозовевших облаков
Гора была сплошным секретом
Не угадать поверх садов
Над строем черепичных кровель
Поверх мостов, где мчит экспресс
Вокруг поле-рис, рисо-картофель
Сосно-вишневый синелес
И изумительная Фудзияма
Юго-теплу наперекор
Свои снега взнесла упрямо
Небес синеющий простор.

**

Стемнело, лодки не видны...
Кому теперь придет в башку,
Что там, где так неясны сны
Счастливо рыбаки живут?

Отель — у моря; вечный шум
Волны, дробящейся о берег.
Японской мы гравюры иге;
Ея затейности — всяя кум.
Ведь, не забыл ты, не отверг
Маэстро видов **Хирошиге**.

БЛАГОПОЛУЧИЕ.

У гор, по моря брегу,
Где сосен ропот, дней
Я мчу, смеясь, телегу

Средь празднеств и огней
Я позабыл предбанник,
Где прелый пахнет лист,
Где одинокий странник
Хотел быть телом чист
Я позабыл наличье
Каких то бед и зол
Я щебечу по птичьи
Сойдя с крутых уклонов
В покоя славный дол
Среди удачи звонов.
Сума. 1921. Осень.

СРЕДИННОЕ МОРЕ ЯПОНИИ.

Сума. 25 IX. 1921. 7 час. утра.

Не колдун, не ворожея
После нищенства трущоб
Поселили нас жалея(?),
Любовались морем чтоб;
Чтоб с утра и до заката
Мы следили паруса,
Что скрываются крылато
В голубые небеса;
Чтоб вершили мы прогулки
У бунтующих зыбей;
Заходили в закоулки,
Где сияют темновзоры
Этих утренних детей
И звучат их разговоры.
(Поправлено. 1931. XII 8 час. веч.)

САННО-НОМИЯ. (Кобэ).

25. IX. 7.20 утра. 1921.

(В ожидании приезда семьи из Иокогамы).
При станции Санно-Номия
Железно-дорожный ресторан.
Хотя теперь такая рань,
Но кофе пью я — Еремия.
Обыкновенный из людей,
Включенный в странствия ковычки,
Я красок скорых чудошей,
Пинта я душой привычный.
Я кофе пью; — Санно-Номия
Мной посещается всегда.
Ведь здесь проходят поезда,
С которыми, неровен час,
В нежданный мне, в неведомый для вас
Примчится вдруг моя Мария.

МОЛЧАЛИВАЯ ФУДЗИ.

Тучи кучей снега встали,
Заслонив фиалки дали...
Глянь, над ними столь прекрасна
Фудзи, что всегда безгласна...
Вместе с тем — многоречива —
Островов японских диво;
Я ею восхищен из гама,
Что имя носит — Иокогама.

Август. 1921.

Стихи, написанные на Киобаши (Гинза)
в Токио, июнь 1921.

Вспотела улица, считая солдат
Жара заедала всех.
Какого то года неизвестных дат
Историков хрюплюсмех:
Что столько то было убито войной.
Полями устлать потроха.
Хрюканье, хрюп свиной.
Разорванных тел вороха!

Какого то года полуустертых дат
Мечтатель,
Забывший:
Меч — тать;
Свернувшийся, отпавший лист...
Древообделочник иль металлист.

Итоо

„То — о

Око —

Сан

Имя нейсан

(по русски —

Служанка,
сестра),

Что глазами,

как танка,

— востра..

Улицы ночной улыбка
Не сети ль золотая рыбка?
Несете золото тая,
Ни се, ни то — зло лат тая.

**

Ночи тьме

Сидели мусмэ *)

— Одна молчалива

Пушистая слива

Другая звонка

до позвонка

Обе смотрели

— лучистыя стрелы

Девы колчан —

Трепещущий стан.

ТЯЖЕСТЬ ТЕЛА МУСМЭ.

Мусмэ идет сейчас фуро *)

Затянут оби *) тонкий стан

Пусть девы — выпукло бедро

И грудь, — что формой Индостан...

Дождь сделал серым горизонт;

— Бумажный развернула зонт;

Стучат кокетливо гета **)

То — нежнотела тягота.

**

Фонари кричат : гори!

А луна — молчань одна.

Что же, что же, что же я?

— Не колдун, не ворожея;

Я построил малый улей,

Закричал тотчас вину — лей!

Вдохновенно оп'янев

Здравомыслья бросил хлев,

Отдался я весь полету, —

Фраз безумных словомету.

**

Она любила этот дымный порт,

Што именем звался японским Кобэ.

Чтоб столько разношерстных орд

Печалился о надобе

Но где всегда по вечерам

Предначертаниям послушна.

Луна свой проводила Фрам

Средь льдов лазури равнодушных.

*) Мусмэ, по японски: девочка.

*) фуро — по японски баня.

**) — пояс.

**) род деревян. обуви.

**

Нам —
ммео —
хорен —
Ге —
Ккий —
кб !
Пели японки
одно это слово
(что я по слогам написал—);
Тук, Ту, Ту
Ту, Ту, Ту —
быстро стучали —
Через узкую улицу
Слушать — несносная мука.
Не улица — а промокашка,
впитавши непогоды кляксы...
Она — ночная замарашка
где света — белая ромашка.

Кобэ. 1921.

ФЛАГ МИСТЕРА МУРАО.

Средь леса длинный был флагшток,
Чтоб поддержать цветистый — флаг
И каждый порта уголок
Шептал: искусник высей маг.

**

В лесу блуждал зеленый шум
В мгновеньях тоньше паутин
Неуволимей легких дум
Прозрачнее апрельских льдин.

**

На мачте реявший флагжок
Веселой змейкой извивался
И каждый леса уголок
Любимцем общим восхищался.
Кобэ. 1921.

СУМАСШЕДШАЯ ПОЭМА.

Луна попала мой зрачок,
А шлейф еще влажился долу.
Но не заметили скачок
Два мудреца, заняв гондолу.
Они слагали уйму строк,
Касаясь гейши тонкотальи,
Пока безкрайности порог
Лучи луны не обсвистали.

ЛУННЫЕ ШАЛОСТИ.

I.

Помощник капитана бел
И взгляд его морской прозрачен
На шлюпку он удачно сел
И... стал с луною новобрачен.

II.

Для храбрости хватив вина,
Готов злодейства разны на!
Пусть в море брошен трап луны,
Где живы будней каплуны
Взберусь по нем моментно вверх,
Безумной мысли главковерх!!
Кобэ.

НА БЕРЕГУ ОКЕАНА.

(Первая часть).

(Нью Бедфорд пристань. 3 ч. дня).
Бревна,
Тащат на пристань.
У пристани вода, в ней бирюза и мрамор,
А люди черные от пыли, солнца пота.
Как кони удила грызут,

Они грызут работу...
Работ египетских...
Товар не перечислить
И голым станет череп,
И зубов не станет...
Перечить сим теметам
Прозы силы нет.
От спины их тени на бревно.
Тащат с унылым криком.

(Вторая часть стихотворения; 4 ч. дня).
Бревно оно от верб, что на лугу росли
Огулом гул и сор.
На росы уголка в лесу
Где сел, чтоб грезить бочкой вдохновенья.
Я не входил, не проникал,
Я был затворником один
С собой — „Я — босс!”
Бревно лежит, тяжелое оно...
Оно старо, в нем жук точильщик
Множится и стук,
Как в механизме хронометра; артерии
и охра..

7 июля, 1929 г.

Жеста кость —
жестокость

Живое, живое,
Сердце иное роди!
И будь — впереди !

ИЗМЕРЕНИЯ ВРЕМЕНИ.

Человек сидел темнице бесконечный миг
Час длиннейший пробыл темноте
Заключены ткал огромный день
Под замком пространную неделю
Под засовом был протяжный месяц
Под ключем продолговатый год.

**

Сумеешь ли лукаво скрыть
Сырой прохладный ветер
Дюны и волны
Далекий заглушенный фоном голос
На шее белой скрыть
Следы от поцелуев
Ожогов солнечных,
Полученных на пляже
На Мартас Виньярд остров едем
Где городок Эдгара в дюнах спрятан
Туда мы едем всей семьей
Чтоб слушать ветер
И соли на губах морской
Осадок легкий замечать.
.....
1929 г. 7 июль, Нью-Бедфорд.
(Новая Англия).

**

В уме воспоминания толпятся детства
Когда на Украине в Котельве
Я каждый сад считал моим родным
наследством
И рой веселых грез кружился в голове.
Когда после дождя
Сложив свои штанишки у забора
Купались в лужах и маляясь в ил
Мальчишеск радости'безграничесвора

Окрестные дворы в своей погружала пыль
Нет удержану стихийному веселью!
Какие крики, визги и прыжки...
Пока не станет мыть арапов ожерелья
Родная матушки заботливость руки.

ПЕСНЯ МОРСКОГО ВЕТРА В
СЛУХОВОМ ОКОШКЕ.

Песня ветра слуховом окошке
Так разнообразна по унылым звонам,
То подобна плачу крошки,
То как скука монотонна.
В ней так много о былом запева,
Голос тленных жизни панихид...
Ветер ноет где то в окнах слева,
В слуховых окошках где на гавань вид,
Словно вдовы плачут об ушедших в море
И уже не смявших более кровать
Иль грызут года тюремные оковы,
Те, кому свободы более не знать...
Стонет ветер в слуховых окошках,
В комнату ко мне на чердаке врываясь...
Он пропитан запахом горошка,
Он — душа морей Поющая, Немая.

ШУМ ОКЕАНА.

Ярмо твоего шума, океан,
Как вол, сегодня я одел.
Идти, хромать по вспаханному полю
Твоих пучин, где лов и лед...
Ничуть я не страшусь, что оглушит
Меня тревожная потеха;
Оркестр, в котором музыкантам —
каждая волна..
Я нем: я буду глух к тому, чем город
грохотал;

Пустая бочка
Городской толпы!
Ярмо налияв шумов океана,
Шагаю по волнам и бури не страшусь..
Я обсущусь.
.....
„Дыра лесная”
Остров назывался.
На нем в прошедшем жили рыбаки...
Теперь построены отели, где богачи
Наигрывают гнусно жир.

МАЯК.

Море мяукало... мяу, мяу.
Маяк каймо белой обозначен,
Эта башня из ржавого железа и камня;
Мычащий як, сторожем у входа в бухту.
Зоб своеобразный спит,
Уткнувшись в воду;
Она грезит ушедшей жизнью давней
У ней плачевный, битый жизнью, вид.
Усталая от прозы див;
Маяк ведет,
Маяк зовет
На верный путь... он туп,
Бросая свет,
Он стар, он ржав,
Он полон гула (как луг)
Балов и пены и в себе
Неистощимой уверенности.
.....

ЗАГАДКА НОЧИ.

Он согнулся в три погибели,
Чтобы гибель избежать;
Стал подобен рыбе или
Вспоминает птицы стать;
Он на вахте в переулках,
Гнется к тумбе сторожа,
Чтоб от труб полночи гулких
Не проснулись сторожа.
Весь зеленый, он не любит
Желтых пятен фонарей,
Как Ван-Гог, что давит тюбик,
Чтоб винтом — ряд тополей
И над ними в бледном свете
Наступающих ночей
Талью месяца отметить,
Облик жутких палачей.
Спайка с ночью, с тенью спайка,
Лай собак и лапки кошек,
Кто он, что он? Угадай ка...
Сколько глаз, как много ножек?
Дек. 7. 1929 г.

ОКЕАНОСТИХЕТЫ.

Строхи написанные на берегу океана.
Июнь, август 1931 года.

НЬЮ-ЙОРКСКИЙ ЗАЛИВ

Пароход „Кингсбург.”

Берег — символ конца морю
Берег — символ конца мысли.

На зеленом моря поле
Пасутся белые стада
Пастуха играет роли
Только ветр один всегда...
Он стада перегоняет
В далях серых без конца
И реветь их заставляет
Под ударами хлыста
Здесь в просторе
Здесь в приволье —
Безконечно —
Своеволье.
31 мая. 1930.

Ор. 1. МАЯК НА САНДИ-ГУКЕ.

К. Э. Циолковскому, русскому гению, в
честь его 75-ти летия — привет от автора
этого стихотворения и издательства
Марии Бурлюк.

— 1 —

Санди-Гук — песчаный крючок, коса океана,
Узкая, шашки клиник полоса
У лазурно — простора экрана.
Всю ночь горит маяк на Санди-Гуке,
Соперничая с блесками светил:
Ночную сменой раб сторукий
Египетскую тьму изрешетил.
(Маяк).
При свете дня — белеющей верстою,
Столбом на жизненном пути —
Перистых туч ласкаемый листвою...
Их наблюдай, их перечти!
Но ночь пришла, как точный проявитель,
Незримое при яви, стало — блеск,
Огнем свечей наполнилась обитель,
Загоризонтно отмели сияют веско.

Над водами горой нависла тьма,
Одежды снов, излюбленные смертью.
Опасно плаванье весьма...
Проверьте карты, маяки, отверстья!
Но день бывает орошен
Разгулом, дождевым обстрелом.
Куда идешь... Зовут... Не приглашен —
Обидели нахальством угорелым.
Какие злые тягостные зраки —
Не хочет поделиться днем;
Кого утешит льстивость клаки?
Ликер кто черпает веслом?

— 2 —

Приветом дальним Санди-Гук
Является пловучим городам.
Его биенъя сердца стук
Подобен синельдям.
Горит, горит маяк, бросая дротик света,
В зрачок идущих мимо, плящущих волной.
Хороший знак, корвет ему покорствует
земной.

Плынут одежды ночи, синесны,
Закуски звезд, заоблачные тайны,
Угрюмо шорохи сосновы,
Легенды хижин свайных —
Пловучих городов сияют этажи.

— 3 —

Проходят, замечая Санди-Гук,
Что их хранит всю ночь, роняя светозвук.
Весь ныне разделился „род — земной”
На горожан: земных селян и небоскребных,
Коптил подземного пещеросовременья,
На особей, влекомых высотой,
Летающих, рискующих загробно;
Воздухо-антропос — научного значенья.
Маяк, маяк, светило Санди-Гука —
Сияет человекам водоструй,
Для них приветы светозвука
В Египетскую тьму!

ВЕЧЕР С ЛУНОЙ.

Луна сегодня минимальна,
Отрезок дыни на небе блуде.
Белая женщина темная спальня,
Куда не бегут не смотрят люди,
Где евнухи бросили звезды очи,
Не боясь ничего, кроме тучи...
Кто женщину любит щекочет
Обижает, тискает, мучит...
Для какого блаженства муки
Набежали в спальню ласки,
С ятаганами широкозадые мамелюки,
Тяжелые лиловые пурпурные краски...
Луна сегодня минимальна —
Довольствоваться надо малым,
Среди небесочных печальных,
Она подобна света жалу.
Невдалеке от света центра
Звезда колеблется брильянтом,
А я поэзной стройки ментор,
Расселся в лунном доке франтом.
Раскрылась ночь, плывет фелукой,
Гаремом обнажились звезды,
Широкозадо мамелюки
Начнут рассвета саблей гвоздать.

9 ч. 20 м. утра.

29 июня. 1930 г. Кингсбург.

ДЕВУШКИ.

Проходят девушки, покачиваясь станом
Ласк зажигательных, шеренгами приманок
Они горды собой, они плывут туманом
Им мир далек лесных старух — поганок.
Они несут запрятанные тайны
Горящих глаз, росплетшейся косы
Округлости грудей красы необычайной
И выкроек бедра искусствнейше косых.
Чтоб тайну разгадать — пусть дева
станет женкой

Научиться мыть пол и штопать панталоны
Мгновенно превратить тебя в отца ребенка,
Ко дню грядущему пойдешь ты на
поклоны.

МОРЕ.

(Стихэза)

Глазу есть где отдохнуть
Даль лежит без берегов
И свободно дышит грудь
Для создания стихов.

Я нашел здесь скромный дом
Окна крыша, к морю дверь
Что не скована стыдом
Не открыта для потерь.
Я пришел сюда писать
Кистью, краской и пером
Чтоб как море: не молчать —
А поведать обо всем.
Бедняка, чтоб подбодрить.

Июнь. 1930 г.

**

Они живут под взглядом океана
В домах, что смотрят вдаль
Могучего, безмерного титана
Которому не скучно и не жаль...
Проводят дни, не утомляясь видом
Раскинувшего волн своих полки,
Не знающего что считать обидой,
Когда утери, прибыли легки...
Они сидят на набережных чинно
Как будто ждут прихода кораблей
Дней выцветающих старинных,
Где жили сонмища иных людей,
Воспоминаний сгинувшей эпохи,
В которой было все иным:
Веселье, труд, забавы, вздохи
И ныне грешное — считалось святым
Но океан не ждет, и без надежды
В нем — бесконечность без границ
И только шевелят туманные одежды
Глаза загоризонтных лиц....

Июнь, 8; 5 ч. 30 м. утра.

1930. Туман, дождь.

СТИХЕТТА СЕКСУАЛЬНАЯ.

Различны окраски самок
Разнообразны глаза...
То глядят, как разрушенный замок,
То березовой роще гроза.
Разнообразны движения и танцы —
Они под диктовку форм;
На солнце протуберанцы,
Всемирного пламени штурм.
Всюду приманки загадки
И стерегущий капкан —
Жизни напиток сладкий,
Налитый формы стакан.

ЗАКОН КРАСОТЫ.

Яримся мы при виде красоты
Любовному покорствуя закону
Трепещем словно юные листы
И юноша и старец лет преклонных.
При виде прелестей в сердцах пылает ярь
Все существо расплывит чувство неги
Владычество командующих чар
Лирических под'емов и элегий
Красавицы купаясь у скалы
Соперничают с вод стихией пенной
Они поют они смелы
Хотя принадлежат породе бренной.
Девица, камень — символы миров
В которых все различно...
Живое ждет неотвратимый ров
Но камень вечность проживет практически
Он вечности посол холодный и немой
На нем извины — мудрости морщины
Вокруг — жизнь играет шумною семьей
Меняя маски, виды и личины.
Когда любуемся мы формой красоты
Ярясь при том, что родственно и близко
Сердца трепещут юные листы
Любовь всегда на грани риска.
Все краски, формы, линии извивы
Поспешной жизни, роста феномены
Лишь символы часов и мигов грав
В движении неизбежные изменения.
Но в камне жизнь былая заперта
Окаменевший крик и жаркое об'ятье
Здесь запрессована пространственно верст
И взгляда прошлого понятье.
Здесь жизнь ушедшая оформилась скалой
Преобразясь в громоздкость вечной спячки
Былые: мудрость, нежность и разбой
Любовность и экстаз, здоровье и
болячки..

20 июня. 1930 г.
На даче, 9 ч. утра. Кингсбург.

ЛЕТНИЕ МУХИ.

Как планеты вокруг светила
Вются мухи вокруг главы
Разудалого пинты
С черной мудростью совы.
Вются мухи, пляшут слухи
Они насланы жарой
Как планеты иль как духи
То песчинкой, то горой.
Подлетает муха к глазу
Расширяясь в Сатурн
Разнося свою заразу
Крипты кладбищ, прахи урн.
Как планеты вются мухи
Вокруг круглой головы
Что в застое не протухнет
Не сливается с толпой.
Черной нитью, грязной точкой
Муха в воздухе стекле
Иль болота тряской кочкой —
На главе моей — на свекле...

1 июля, 1930 г., 10 час. утра.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ.

Я мире сонном странном метеор
Мой свет в твоих зрачках — самосознанье
Я пронесусь над льдами гор
И навсегда взорвусь изгнанье.

При пламени ума ты сможешь прочитать
Загадки надписи в пещерах исполинов:
Понять кто был отец и мать
Что вызвали для жизни спина.
Я мире этом странный метеор
Скользну в умах, чтобы навек исчезнуть
Чтобы затем, с тех пор
Смотрели звери в тягостную бездну...
Смотрели, вспоминая чудосвет
Причуды тени на земных предметах
Как я носил разбрзганный жилет
И жил в стихах рифмованных приметах.

Всюду в жизни глаз находит
Поучающий урок
Здесь торчит он басни вроде
Там — в лесу единорог.
Вот цветов поэзо запах
Вздохи чары вздохи сны
Что в легендах древне-мага
Были век погребены.
Плен распался растворилась
Тайна ночи тайна сна
И ликующая сила
Обняла нас как весна.
Август 9, 1930.

Отношение Сократа к дамам —
Лишено похвал и славы:
Они — только жизни рамы,
Они знают слово „амо,”
Они стонут в муках страсти,
Расточая ласки пылко...
Если было в ихней власти —
Мир бы стал — любви бутылка.

ЗАКАТ СОЛНЦА НАД ВОЛНАМИ.
(Рифмеза).

Писать с натуры желтый свет,
Что книзу падшее светило
Дробит волны живой скелет
На ленты, золотые жилья...
С мгновеньем каждым солнце ниже:
Мы улетаем от него
И в волосах светила рыжих
Рефлекс взрумяненных снегов.
День прожит, был такой, как тьма,
Что проползли на костилях,
Пока недвижная зима
Косы не снизила замах.
Миг, солнца золотое вымя
Коснется скоро дальних труб,
Что тщетно закрывают дымом
Истому возлакавших губ...
Еще один последний штрих:
Ты видишь дальний холм наялан,
Он горизонт пронзает лих
Под солнца золотою шляпой...

ПОЭТИЧЕСКИЕ УХОВЕРТКИ.

Жиразоль, Гелиотроп.
Попочка. Попойка.

Поплевать на попа.

Снится
Синице
Что ея переносица

Переносится
На поясницу
А пояс
Ниццу....

**

Запах папах
Лапах запах
Что же лабаз?
— Конь и запал!
В лапах запал?

Виски
в
виски
!!!
Танец
в
Румянец
!!!

ПОЭЗА СУМЕРЕЧНАЯ.

Как печален свет вечерний
Элегичен беспредметен
Сколько в нем невидных терний
Как безмерно свет тот бледен.
Вдоль залива марш видений
По испгнившему помосту
На ходу поют про деньги
Насчет прибылей и роста.
Как печален свет предночный
Свет навеки расставанья
Безконтурный и неточный
Только чувство в нем не знанье.
Вдоль залива сини тени
Под ногою гулки доски
В храм какой ведут ступени
Где огни горят на воске.
Как печален свет вечерний
Будто пристань в синевечность
Без пространства измерений
Где забвения беспечность.

ВИД ИЗ ОКНА.

«Время... иногда ползет червяком;»
И. С. Тургенев.

На косогоре, под холмом
Постоем жизни — старый дуб;
Он суковат своим умом,
А листьев нежность — в неба глубь.
Соседний холм старей его;
Из под травы обвал камней
И ветра лет без берегов,
Надувший паруса полей.
Соседний друг мудрее в снах,
Он больше видел, больше знал...
Над ним перистых облак взмах
И огневой зари раскал.
На косогоре, под холмом
Живется старому легко,
Он в одиночестве своем
Витает в прошлом далеко.
Когда шумит его листва —
Как призрак, мыслей хоровод —
О мимолетном естества,
Текучего, как струи вод.

11 май, 1930 г.

НЬЮ ИОРК НОЧЬЮ.

Река удвоила количество огней,
Река вползла змеюю город
И с нею стало сырьо — холодней,
И каждый дом поднял свой ворот.
Вдали, как волчий глаз, горит луна,
Она в реку упала утопиться.
Висок небес корявит седина,
А возле — звездочки пророгшая мокрица.
Теперь грабители выходят из трущоб,
Сам город стал бандитом в смятой маске,
Они, разносчики проклятия и злоб,
Лишь часа ждут, когда — ночные краски.
Нью Иорк теперь лежит своем гробу,
Огни на нем, как черви, шевелятся;
Каньоны улиц — рытвины на лбу,
Где мыслей адово-палаццо!!
Нью Иорк теперь — забвение и тоска,
Когда Гудзон разлегся мертвым Стиксом,
А неба мокрая туманная рука
Часы вверяет грекам и иксам!

ВЕСЕННЕЕ.

Вешней почки
Мал размер!
Меньше бочки
Например.
Многотомны
Эти дни —
Почки скромной
Сладкосны.
Почки — часть я,
Не забудь!
Бочка счастья,
Что как ртуть,
Днесь на землю
Пролилась,
Вешней трелью
Встала связь: —
Счастья капли
На ветвях!
Крепок, слаб ли —
Друг иль враг!

ЛЮДОЕДЫ.

В лесу средь пальм, как древней саге,
Среди лиан, средь рыка львов
Живут еще антропофаги,
Таежных кровожадней сов!
Средь удушающих цветений,
Средь жгучих и тягучих смол,
Среди дерев, как сновиденья,
Они готовят редкий стол!
Под крокодила страшным взглядом,
Под тяжкой поступью слонов,
Средь змей с молниеносным ядом —
Их аппетит всесасно нов!
О — это первенцы природы
Они просты и славят клык.
Они родились для охоты —
Ученый им — равно — балык!
Искусства нации и наука —
Уму их — жалкий, дикий звук:
Стрелою выражена мука,
О череп молоточком стук!
Они ясны, как примитивы,
Фундамент наших всех культур...
Тот грунт, откуда так лениво
Взрос „от сегодня” каламбур.

ЛЕНИНГРАД ОСЕНЬЮ.

У севера сырого чана,
Над замерзающей Невой,
Где синты саваны тумана
Адмиралтейской игрой,
Где провалились мостовые
На дно петровских древних блат,
Где не спасли городовые
Разврат Романовских палат,
И где теперь холодный месяц
Над Мойкой в осень ночи скис,
Есенним трагическим повесясь,
Отекшей головою вниз,
Встаёт иною, бодрой тенью
Рабочий Красный Ленинград,
Стуча по мраморных ступеням
Дворцов низринутых громад.

**

У дождя так много ножек!
Он стремится без дорожек.
У пострела много стрел,
Переранить всех успел.
Дождик любит леопардов,
Любит лужиц серых оспу,
Когда дробью крупной в марте
Открывает Veri доступ.

ПРЕВРАЩЕНИЕ.

Это было в Нью Иорке, это было
подземке,
Под громадами зданий, под туманностью
вод.
По диванами сидели, об'электрясь туземки,
Что к супружеству падки, не предвида
развод.

За окном проносились движения полоски:
Фонари и карнизы, и фигуры людей.
Меж сидевших чернелися две негритоски,
На округlostях тела казавшихся седей.
И меж ними вприжимку сидела блондинка,
Вся прозрачно синея просветом очей,
Вся — готовность растаять, весенняя
льдинка

В трепетанье собвея бесстрастных свечей.
Я смотрел на блондинку, на двух

негритосок
И..., внезапно... поляне погасших огней
По прозрачности белой побежали полоски
И блондинка вдруг стала немного темней...
И чрез пару одну и еще остановок —
Предо мною сидела чернее смолы
Эфиопии мрачной одна из утровок,
Что скалисты зубами и коксово злы.
Грохотали собвеи, давясь поездами
И подземные дыры хрюпели, как бас...
А блондинок все меньше синело очами,
Превращаясь в негро-свирапую мазь.

1928 г. Нью Иорк, 14 улица.

НА ФАРМЕ.

Врываются ветер снаружи, с поляны,
Где листья отмыты упавшим дождем,
Где очи дрожат голубея Светланы
И ветви поют: „подождем”...
В румянце, в об'ятиях ажурные тучки;
Запахано поле, весна без конца.
Жизнь ласка одна, без придир закорючки
Как день, что не знает подвох—подлеца.
Пенсильвания.

БЕЗВЕРИЕ ОСЕНИ.

С приходом осени в природе
Вступают в строй иные краски.
Вот тыкв ряды на огороде —
Как римлян бронзовые каски.
Где зелень услаждала взоры,
Соседний в спектре воцарился цвет,
А в час зари, опустившь шторы —
Лиловый небо шлет привет.
Повсюду властвует, наружась, утомление
И струны арф не трогает Эол,
Когда в камине теплится поленья,
Солнечно тень легла на пол.
Осенней тьмою тихо, как в могиле,
Той первой ночью, что придет для всех..
Порыва нет. Нет веры в силы
Земле вернуть румянный счастья смех!
Нью-Йорк, Октябрь.

НЕНУЖНЫЕ.

(Весна в капиталистическом городе).
Усталые люди приходят весною
На парка скамейках часами сидеть;
Со взором потухшим, с согбенной спиной
И кожи оттенком, как старая медь;
Пассивно считают истекшие весны,
Песчинки — недели и камни — года,
Им время давно обеззубило десны
И тускло в зрачках их застяла слюда.
И в синем параде весны ликованья,
Где каждый росток — комсомольская песнь,
Сидят... как мозоли тоски, изваянья...
Фабричных бульваров, ненужная плесень.
Централ Парк. Нью-Йорк.
Май, 1932.

ПОКЛОН ОСЕНИ.

Я шляпу снял перед осенним лесом,
Чтя карнавалы красок и тоски,
Следя с сочувствующим интересом,
Как холода румянют рощ виски.
Глубокой тишиною успокоен;
Одна роса шуршит с мертвящих листов...
Кудрявый лес — он утомленный воин
С летучей конницей сражавшийся ветров.
Я — тоже воин, знавший жизни битвы
С двуногой подлостью, с ничтожеством
и злом,
Те, что секут острее бритвы,
И жадным тернием спускаются над лбом.
И что ж дало свидание с воякой?
Чему учил рапсодией — урок?
— Иди всегда под ярким стягом!
— Взорвись в восторг, когда потухнут
 срок !

1931 г. Инвуд над Гудзоном.

РУКОПИСИ.

Нет не уставом, перчерком сегодня
Я мысли беглые бумаге предаю...
Мной на корабль положенная сходня,
Что в край идет, который вам дарю.
В новейшем — старина, в любой старухе
— младость
Вглядись видна! В тоске — былая радость.
О Нibelungах песнь, иль Фета
манускрипты
Листы бумаги, пергамент
Столетий прошлых крипты,
Иль дня сего момент!

1931. ХП. 26. Н. И. А.